

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Т. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Тихон Алексеевич, родился в 1883 в селе Рождество Перемышльского уезда Калужской губ. Окончил семинарию, был учителем 2 классной школы, затем восемь лет работал по сельской кооперации; в 1921-1922 — служил статистиком в волостном отделе, затем канцеляристом при губернском волостном комитете. Посвящен в сан священника, проживал в селе Холмицы Думинического района, служил в местной церкви. 16 апреля 1931 — арестован, как «участник к.-р. монархической организации церковников». 28 октября приговорен к ограничению проживания с прикреплением на 3 года (-12). 26 ноября освобожден, поселился в Орле, работал счетоводом в областной больнице. В январе 1932 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<27 января 1932>

«В Московский Комитет по делам политзаключенных.
Председательнице Пешковой

гр<ажданина> Западной области
Плохинского района села Холмиц
Тихона Рождественского

Заявление

Являясь служителем культа — священником при церкви села Холмиц — я 16/IV-1931 г<ода> был арестован в своем доме органами ГПУ и освобожден из-под стражи лишь 26/XI. При допросе мне ставилось в вину то обстоятельство, якобы, я состоял в какой-то организации, касались моих "связей" с некоторыми священниками — Жуковым, коего я знал по семинарии, Даевым, Маневетовым, с коими я, однако, никакого знакомства не вел, даже наши жены и вовсе не были знакомы, не говоря уже о том, что мы проживали на значительном расстоянии друг от друга — до 45 верст (от Маневетова). В отношении "организации" этими сведениями и ограничилось дело. Но, кроме того, мне предъявлялось конкретное обвинение в том, <что>, якобы, я агитировал против колхозного строительства, платежа налогов и выборов в Советы. Будучи человеком сознательным, я смотрю на подобную агитацию — как серьезное преступление против Сов<етской> власти и основных ее мероприятий по внедрению социалистического строительства в сельском хозяйстве, налоговой политике, направленной к уничтожению класса кулачества и, наконец, по классовому составу сельсоветов, которым, в связи с районированием сельских местностей, представлена большая сфера власти, и тот, кто ведет борьбу с этими мероприятиями, действительно, большой преступник пред Сов<етской> властью. Естественно и несомненно то, что если бы хоть одно из этих обвинений в отношении меня подтвердилось, я, как священник, понес бы страшную кару, но по Постановлению Полном<очного> Представительства ОГПУ я подвергнут запрещению проживания в своей области и других местностях сроком на 3 года ("12"). Для преступника пред Советской властью — такая мера мягкая, но я полагаю, что она избрана в отношении меня не как милость, а потому лишь, что мое обвинение не только не подтвердилось, а и опровергнуто, а между тем, абсолютно ничем не погрешившему против власти и эта мера тяжела по следующим основаниям: на меня был начислен на 1930-31 год налог в сумме 3000 р<ублей>. Поскольку мой заработок от требоисправлений был далеко недостаточен для такой огромной для меня суммы, я, дабы быть чистым в глазах власти, не

протестуя, решил ликвидировать всякую задолженность по налогу и продал всю обстановку в доме, все постройки, оставив себе маленькую хату в 8 арш<ин> и до гроша расплатился с Государством. Поскольку это имело место до моего ареста, — очевидно, что я не страха ради, а из соображений строжайшей лояльности сделал это, хоть и знаю, что налоги взимаются, как часть налога плательщика, и что я был значительно переобложен. Кроме того, этот факт, известный, конечно, местным органам власти, есть первейшее доказательство неосновательности обвинения моего в противодействии налоговой политике. С какими глазами я стал бы агитировать против уплаты налогов среди своих прихожан и крестьян, распродавая на их газах свое имущество для уплаты своего налога? Мое поведение, напротив, было примером для них в духе подчинения власти, а не наоборот. Проповеди я бросил произносить уже несколько лет, поступившись своим званием священника, но сделал это во избежание возможных кривотолкований истинного смысла, зная при этом, что они в церковной обстановке законом допустимы. Ради тех же целей свои посещения домов верующих ограничивал исключительно случаями крайней необходимости, и хождение по приходу в праздничное время я сократил до минимума. Я оставил себе с семьей небольшой угол в Холмицах; это обстоятельство в обстановке нынешнего моего материального положения для меня существенно важно тем более, а искать угол в чужом месте при условии, что теперь каждый боится принять к себе священника (лишенца) в качестве квартиранта, — еще более углубляет мое и без того подорванное материальное положение, и я прошу, как справедливой милости, посодействовать моему возвращению на жительство в Холмицы. Хотя я и невиновен пред Советской Властью, но прошу Вас испросить мне помилование, в смысле снятия с меня запрещения проживать в своей Западной области, в частности в с<еле> Холмицах; прошу помилования и как человек, больной сердцем и нервами. На тяжелую работу я, по состоянию своего здоровья, не годен, а канцелярской или вообще легкой работы мне не дают, как ни старался я получить эту работу в разных учреждениях г<орода> Орла. Жизнь в Холмицах для меня была бы много легче, ибо там у меня свой уголок и своя семья; ясно, при совместной жизни, содержание было бы не так тяжело. При сем прилагаю 3 справки о болезни от 11/III - 1931, 24/X - 1931 и от 24/I - 1932 <года>.

Т. Рождественский.

Адрес мой: г<ород> Орел, ул<ица> Пуховая, д<ом> № 54.

Гречихина А. А., во дворе.

1932 г<од>, янв<арь> 27 дня»¹.

В марте 1932 — Тихон Алексеевич Рождественский вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<15 марта 1932>

«Многоуважаемая и добрая тов<арищ> Пешкова!

Весьма благодарен Вам за извещение. По Вашему Совету посылаю краткое заявление на имя ОГПУ и очень прошу Вас послать его по назначению с Вашим отзывом. Сообщаю, что 16 янв<аря> с<его> г<ода> моя жена (она была у Вас) сдала в О<тдел> П<омилований> мое 1-е заявление, пространное; ей обещали, что через месяц ответят, но до сих пор ничего нет. 27 янв<аря> я послал из города Орла в заказ<ном> письме аналогичное заявление в Президиум ВЦИКа с приложением о своей

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 742. С. 155. Автограф.

болезни трех справок, засвидетельствованных нотариусом. Тогда же я и Вам посылал просьбу с приложением 1 засвидетельствованной справки и 2 не засвидетельствованных по недостатку средств. Второй экземпляр нового заявления посылаю на тот случай, если Вы найдете нужным послать его в Отдел частных амнистий при ВЦИКе, на сей раз без медицинских справок, за неимением денежных средств. Я всецело полагаюсь на Вас. Простите. 12 февраль сего года я поступил на работу истопником в горькую больницу. Моя обязанность наколоть, нанести и вытопить 12 печей. Работаю 8 или 9 часов. К вечеру до того устаю, что еле-еле добираюсь до квартиры: по дороге несколько раз останавливаюсь из-за болезни сердца и поясницы. Но и этой работе я очень рад: я страшусь, что она, как сезонная, скоро кончится. Что я тогда буду делать? В канцелярию или на завод никуда не возьмут (мои попытки в этом роде были). А ведь в прошлом я получил среднее образование — окончил семинарию, был учителем 2 классов школы, 8 лет работал по сельской кооперации, был волостным статистиком в 1921-22 годах, был канцеляристом при Губернском волостном комитете и так далее.

Будьте же до конца добры, примите же, пожалуйста, во мне участие. По правде и чистой совести уверяю Вас, что я нисколько не виноват перед Советской властью ни по 58 статье и ни по какой другой все постановления, все требования власти я выполнял немедленно. Когда нужны были с меня большие налоги, я отдавал все, что сам получал. Могло быть этого, в течение 3 лет в 1928-30 годах я сам продал все свои постройки (кроме избы в 8 аршин), мебель, скот, инвентарь и даже одежду. Уже когда я был в Доме заключения, выяснилось в моей стороне переплата в 1408 рублей 20 копеек, и сейчас за НКЗР РИКом 1204 рублей 90 копеек, которые мне не отдают. К Советской власти я всегда относился с большим уважением. Это она наладила разоренное империалистической войной и старым режимом народное хозяйство, она ввела бесперебойное снабжение городского и фабрично-заводского населения, она заботится о просвещении народа... А что сделано по электрификации? Сколько выпущено тракторов, комбайнов, автомобилей и тому подобное? Никогда и нигде я не говорил против распоряжений Власти. Когда меня арестовали, я просил дать факты, обнаружить доносчиков (если они есть), назначить суд, но мне в этом отказали... Правда, я любил читать газеты (с 1901 года по свое время) и книги. Жил замкнуто, одиноко. Кстати о книгах. 16 апреля 1931 года при аресте у меня были забраны мои книги. Среди них журнал "Вестник Знания" с приложениями, "Пробуждение" и другие, есть книги по современной философии, по литературе, по пчеловодству и примерно 2 раза из Брянска и 2 раза из Орла я обращался в Брянский сектор ОГПУ и просил отдать книги, но ответа не получил. Помогите мне, пожалуйста, и в этом деле. Извините, что беспокою и надоедаю Вам. С совершенным почтением

Т. Рождественский.

15 марта 1932 года

На ответ прилагаю 2 марки по 15 копеек»².

В 1935 — священник Тихон Рождественский вновь был арестован³, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край⁴.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 742. С. 150. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1046. С. 39-40.

⁴ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.